

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

© Перевод сделан Украинским Хельсинским союзом по правам человека, <http://precedent.in.ua>.
Разрешение опубликовать этот перевод дано исключительно с целью его включения в базу данных Суда
HUDOC.

© Translation made by the Ukrainian Helsinki Human Rights Union, <http://precedent.in.ua>. Permission to re-
publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC

ДЕЛО РУСЛАНА ЯКОВЕНКО ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 5425/11)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

4 июня 2015 года

*Это решение станет окончательным при условиях, изложенных в статье 44
§ 2 Конвенции. Оно может быть отредактировано.*

По делу Руслана Яковенко против Украины,

Европейский Суд по правам человека (Пятая секция), заседая палатой в составе:

Mark Villiger, *Председателя,*

Angelika Nußberger,

Bostjan M. Zupancic,

Ganna Yudkivska,

Vincent A. De Gaetano,

Andre Potocki,

Ales Pejchal, *судей,*

и Milan Blasko, *заместитель Секретаря секции,*

Рассмотрев дело в закрытом заседании 21 апреля 2015 года,

Провозглашает следующее решение, принятое в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Данное дело основано на заявлении (№ 5425/11) против Украины, поданном в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданином Украины, г-ном Русланом Анатольевичем Яковенко (далее – «заявитель») 17 января 2011 года.

2. Заявителя представлял г-н О. В. Левицкий, адвокат, практикующий в Киеве. Украинское правительство (далее – «Правительство») представлял его уполномоченный г-н Н. Кульчицкий.

3. Заявитель жаловался на незаконность его содержания под стражей и нарушение его права на обжалование в уголовном судопроизводстве.

4. 12 декабря 2012 года Правительство было уведомлено об этой жалобе.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель родился в 1979 году и проживает в Короливке, Киевская область.

6. 12 июля 2010 года городской суд Белой Церкви (далее – «суд Белой Церкви») признал заявителя виновным в нанесении тяжких телесных повреждений некоему г-ну Н. 12 мая 2006 года. Хотя за такое преступление предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет, суд счел возможным назначить заявителю более мягкое наказание. Суд учел, в частности, то, что заявитель признал себя виновным и продемонстрировал раскаяние. Соответственно, суд приговорил заявителя к четырем годам и семи месяцам лишения свободы. Он также постановил включить в срок лишения свободы заявителя период с 20 октября 2005 года по 3 мая 2006 года (шесть месяцев и четырнадцать дней), в течение которого он находился под стражей в связи с другим уголовным делом. Наконец, суд

отметил, что при назначении заявителю наказания он принял во внимание тот факт, что заявитель «провел более четырех лет в [следственном изоляторе], где условия содержания были значительно суровее, чем в исправительной колонии, и предыдущие решения в его отношении были отменены». Никакой другой информации о вышеупомянутом содержании заявителя под стражей, или о других уголовных делах и отмененных решениях в отношении заявителя, не имеется.

7. В постановляющей части своего решения суд Белой Церкви также принял решение о предварительном содержании заявителя под стражей в следственном изоляторе (СИЗО) в качестве меры пресечения до вступления этого решения в силу. Он также отметил, что решение может быть обжаловано в течение пятнадцати дней с даты его провозглашения.

8. 15 июля 2010 года срок заключения заявителя истек, и он обратился к администрации СИЗО с просьбой его освободить. Эта просьба была отклонена. Однако в тот же день администрация СИЗО обратилась в суд Белой Церкви для получения разрешения на освобождение заявителя под подписку о невыезде, с учетом того, что он полностью отбыл срок тюремного заключения. Ответа не последовало.

9. 19 июля 2010 года адвокат заявителя еще раз обратился к администрации СИЗО с просьбой о немедленном освобождении заявителя. Он, в частности, заявил, что нет никаких оснований для дальнейшего содержания его подзащитного под стражей. Копия этого письма была также направлена в Киевскую областную прокуратуру.

10. 27 июля 2010 года истек пятнадцатидневный срок для подачи апелляции против решения от 12 июля 2010 года, и, в отсутствие каких-либо апелляций, это решение стало окончательным.

11. В тот же день администрация СИЗО написала адвокату заявителя, что освободить заявителя невозможно, либо пока не будет изменена мера пресечения в его отношении, либо пока решение не станет окончательным. В письме отмечалось, что, в любом случае, распоряжение об освобождении заявителя должно быть выдано судом Белой Церкви.

12. 29 июля 2010 года, когда СИЗО получил распоряжение суда об исполнении окончательного решения, заявитель был освобожден.

13. 5 августа 2010 года Государственный Департамент по вопросам исполнения наказаний написал адвокату заявителя, в ответ на его жалобы о задержках, связанных с освобождением заявителя, что нарушения Уголовно-процессуального кодекса не было.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Уголовно-процессуальный кодекс (1960 года)

14. В статье 148 указываются цель и основания для применения мер пресечения. Она, в частности, гласит, что мера пресечения должна применяться, если имеются достаточные основания полагать, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый или осужденный может скрыться, не будет исполнять процессуальные решения, попытается препятствовать установлению истины по делу или продолжит преступную деятельность.

15. На этапе судебного разбирательства задержанный может быть освобожден только на основании соответствующего решения судьи или суда (статья 165). В статье 165 также предусмотрено, что мера пресечения должна быть отменена или изменена, если в применении ранее назначенной меры или любой иной меры пресечения не было необходимости.

16. В то время как в ходе предварительного следствия задержанный должен быть немедленно освобожден администрацией соответствующего пенитенциарного учреждения, если срок его содержания под стражей истек, и если к тому времени не было получено решение суда о продлении этого срока (статья 156 *in fine*), в отношении условий освобождения задержанного на стадии судебного разбирательства такого положения не существует.

17. Статья 274 касается применения, отмены или изменения меры пресечения судом первой инстанции. Эта статья обязывает суд руководствоваться соответствующими положениями главы 13 («Меры пресечения» – статьи 148-165-3).

18. Статья 324 гласит, что суд обязан принять решение, в частности, о том, какая мера пресечения должна применяться к осужденному до вступления приговора в силу.

19. Статья 343, по сути, повторяет приведенное выше положение, а также уточняет, что суд может оставить осужденного под стражей в качестве меры пресечения только по основаниям, предусмотренным в соответствующих положениях главы 13.

20. В статье 358 перечислены вопросы, которые апелляционный суд может рассмотреть на подготовительном заседании. Суд, в частности, может принять решение об изменении, отмене или применении меры пресечения в отношении осужденного.

21. В соответствии со статьей 401, решение вступает в силу, если оно не было обжаловано в установленный срок (пятнадцать дней – статья 349). Если была подана апелляция, решение вступает в силу после рассмотрения дела судом апелляционной инстанции (если оно не будет отменено). Оправдательный приговор суда (или решение об отмене наказания) подлежит немедленному исполнению, в то время как обвинительный приговор подлежит исполнению только после его вступления в силу. Статья 404 предусматривает, что суд, который вынес решение, должен направить его для исполнения не позднее чем в течение трех дней после вступления этого решения в силу.

В. Гражданский кодекс (2003 года)

22. Статья 1176 возлагает на государство обязательство «возместить в полном объеме вред, причиненный физическому лицу в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения...незаконного задержания... независимо от вины должностных и служебных лиц органа дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда» (часть 1). Статья также уточняет, что «право на возмещение вреда, причиненного физическому лицу незаконными действиями органов дознания, досудебного следствия, прокуратуры или суда, возникает в случаях, предусмотренных законом» (часть 2).

С. Закон Украины «О порядке возмещения вреда, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» 1994 года (Закон о компенсации)

23. В соответствии со статьей 1, лицо имеет право на возмещение вреда, причиненного, в частности, вследствие незаконного осуждения, незаконного обвинения, незаконного заключения и содержания под стражей. В перечисленных случаях вред должен быть возмещен независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда.

24. В статье 2 перечислены случаи, в которых возникает право на возмещение. Они включают в себя: (1) оправдательный приговор; (1-1) судебное решение, признающее, в частности, незаконность содержания под стражей; и (2) прекращение уголовного дела по причине отсутствия состава преступления или за неимением доказательств вины обвиняемого.

ПРАВО

I. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 1 КОНВЕНЦИИ

22. Заявитель жаловался, что его содержание под стражей с 15 по 29 июля 2010 года было незаконным. Он сослался на статью 5 § 1 Конвенции, которая, в частности, гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(а) законное содержание под стражей лица после осуждения компетентным судом; ...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;...»

А. Приемлемость

1. Исчерпание внутренних средств правовой защиты

(а) Аргументы сторон

26. Правительство утверждало, что заявитель не выполнил правило исчерпания внутренних средств правовой защиты. Они отметили, что на самом деле его содержание под стражей с 15 по 29 июля 2010 года было необоснованным. Опираясь на статью 1176 Гражданского кодекса (см. параграф 22 выше), Правительство утверждало, что заявитель мог потребовать возмещения убытков, но он не исчерпал это средство правовой защиты.

27. Заявитель не согласился. Он утверждал, в частности, что для того, чтобы средство было эффективным в его случае, оно должно было быть способным обеспечить его немедленное освобождение после истечения срока его тюремного заключения. Заявитель отметил, что он обратился с просьбой об освобождении к администрации СИЗО и в органы прокуратуры. Тем не менее, администрация СИЗО сочла это невозможным до вступления приговора в силу. Что касается прокуратуры, она вообще не посчитала нужным вмешиваться.

(b) Оценка Суда

(i) Общие принципы

28. Суд отмечает, что правило об исчерпании внутренних средств правовой защиты основывается на отраженном в статье 13 Конвенции предположении, что правовая система обеспечивает эффективное средство правовой защиты, которое связано с существом жалобы в соответствии с Конвенцией и способно предоставить соответствующее возмещение. Таким образом, одним из основных аспектов этого принципа является то, что механизм защиты, установленный Конвенцией, носит вспомогательный характер по отношению к национальным системам защиты прав человека (см. *Ananyev and Others v. Russia*, nos. 42525/07 and 60800/08, § 93, 10 January 2012, с дальнейшими ссылками).

29. Заявитель, как правило, должен использовать только те внутренние средства правовой защиты, которые являются доступными и достаточными для предоставления возмещения за нарушение. Эти средства должны существовать не только в теории, но и на практике, в противном случае они не будут достаточно доступными и эффективными. Если Правительство заявляет о неисчерпании средства правовой защиты, оно должно убедить Суд в том, что упомянутое средство было доступно и способно обеспечить возмещение в отношении жалобы заявителя, а также имело разумные шансы на успех. Однако, после того как такие доказательства были предоставлены, заявитель обязан показать, что средство правовой защиты, упомянутое Правительством, фактически было использовано или было, по каким-либо причинам, неадекватным и неэффективным в случае заявителя, или что существовали особые обстоятельства, освобождающие его от обязательства прибегнуть к этому средству правовой защиты (см., например, *Melnik v. Ukraine*, no. 72286/01, § 67, 28 March 2006).

30. Суд далее отмечает, что, когда дело касается нарушения статьи 5 § 1, статья 5 §§ 4 и 5 Конвенции представляет собой *leges speciales* по отношению к более общим требованиям статьи 13 (см. *Svetoslav Dimitrov v. Bulgaria* (dec.), no. 55861/00, 9 May 2006). Соответственно, для того, чтобы решить, должен ли был заявитель исчерпать внутреннее средство правовой защиты в отношении его жалобы в соответствии со статьей 5 § 1 Конвенции, Суд должен оценить эффективность этого средства с точки зрения вышеупомянутых положений.

(ii) Существование превентивного средства правовой защиты в соответствии со статьей 5 § 4

31. Суд отмечает, что со дня предъявления обвинения, пусть даже только судом первой инстанции, ответчик содержится под стражей «после осуждения компетентным судом» по смыслу статьи 5 § 1 (а) (более подробное рассмотрение соответствующих принципов, установленных в прецедентном праве Суда, см. в параграфах 46-51 ниже).

32. В своем прецедентном праве Суд постановил, что в таких делах судебный контроль над лишением свободы, требуемый статьей 5 § 4, считается неотъемлемой частью первоначального осуждения и приговора. Тем не менее, всякий раз, когда возникают свежие вопросы, влияющие на правомерность такого содержания под стражей, статья 5 § 4 снова приобретает свое значение (см. недавнее решение *Stoichkov v. Bulgaria*, по. 9808/02, §§ 64 and 65, 24 March 2005, с дальнейшими ссылками).

33. Суд готов признать, что в настоящем деле свежий вопрос в отношении законности содержания заявителя под стражей возник, когда срок его заключения истек, но он не был освобожден. На этом этапе он не имел возможности открыть судебное разбирательство, в рамках которого была бы оперативно рассмотрена правомерность его дальнейшего содержания под стражей, и было бы отдано распоряжение о его освобождении. Таким образом, суд первой инстанции уже не занимался этим делом. Что касается обычной апелляции, ее рассмотрение, по-видимому, длилось бы дольше, чем обжалуемый период содержания заявителя под стражей (двенадцать дней). Кроме того, не исключено, что подача апелляции повлекла бы за собой дальнейшее продление его содержания под стражей в качестве меры пресечения до вступления приговора в силу. Этот вопрос, однако, будет более подробно проанализирован ниже.

34. Что касается обращений заявителя к администрации СИЗО и в прокуратуру, эти органы не являлись «судом» в значении статьи 5 § 4 Конвенции.

35. Отсюда следует, что заявителю не были доступны эффективные внутренние средства правовой защиты, которые он мог бы использовать, чтобы положить конец заявленному нарушению статьи 5 § 1.

(iii) Наличие компенсационного средства правовой защиты в соответствии со статьей 5 § 5

36. Суд повторяет, что статья 5 § 5 соблюдается, если имеется возможность обратиться за компенсацией в связи с лишением свободы при условиях, противоречащих статье 5 §§ 1, 2, 3 или 4, когда соответствующее нарушение было установлено национальным органом или Судом. Эффективное осуществление права на компенсацию, гарантированного статьей 5 § 5, должно быть обеспечено с достаточной степенью определенности (см. *Lobanov v. Russia*, по. 16159/03, § 54, 16 October 2008, с дальнейшими ссылками).

37. Суд отмечает, что в настоящем деле Правительство ограничило свои возражения утверждением, что заключение под стражу заявителя было бесосновательным, и что он мог требовать возмещения вреда в соответствии со статьей 1176 Гражданского кодекса. Суд отмечает, однако, что указанное положение сформулировано в довольно общих чертах: оно не устанавливает правовых предпосылок для получения компенсации и не предусматривает

конкретных механизмов или процедур. Вместо этого, статья 1176 ссылается на отдельный закон, регулирующий эти вопросы. Представляется, что здесь должен применяться специальный закон о компенсации (см. параграфы 23 и 24 выше). В своих замечаниях Правительство не ссылается на этот закон. Они также не указали, какие положения национального законодательства были нарушены в связи с содержанием заявителя под стражей. Правительство также не привело примеров национального прецедентного права в этом отношении. Поэтому остается неясным, на каком основании и с помощью каких механизмов заявитель мог добиться признания судом на национальном уровне того факта, что его содержание под стражей было незаконным, и требовать компенсацию в этой связи.

38. В таких обстоятельствах, Суд не убежден аргументом Правительства о том, что предложенное ими средство правовой защиты было эффективным и должно было быть исчерпано заявителем.

(iv) Заключение

39. В свете вышеизложенных соображений, Суд приходит к выводу, что заявитель не имел в своем распоряжении эффективных внутренних средств правовой защиты в отношении его жалобы по статье 5 § 1 Конвенции. Поэтому Суд отклоняет возражения Правительства в этом отношении.

2. Другие соображения в отношении приемлемости

40. Суд далее отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Она также не является неприемлемой по любым другим основаниям. Поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо дела

1. Аргументы сторон

41. Заявитель утверждал, что его содержание под стражей с 15 по 29 июля 2010 года было безосновательным и, таким образом, противоречило статье 5 § 1 Конвенции.

42. В своих замечаниях в отношении приемлемости этой жалобы (см. параграф 26 выше) Правительство согласилось с заявителем по данному вопросу. Они, однако, не представили никаких замечаний по существу жалобы.

2. Оценка Суда

43. Суд считает, что для целей анализа срок содержания заявителя под стражей должен быть разделен на два отдельных периода:

(1) с 15 до 27 июля 2010 года, то есть после вынесения приговора судом первой инстанции и до его вступления в силу; и

(2) в течение последующих двух дней, с 27 по 29 июля 2010 года, которые понадобились властям, чтобы завершить все административные формальности с целью освобождения заявителя после того, как решение постановление суда первой инстанции стало окончательным.

44. Суд отдельно рассмотрит соответствие каждого из этих периодов содержания под стражей заявителя статье 5 § 1 Конвенции.

(а) Содержание заявителя под стражей с 15 по 27 июля 2010 года

(i) Основания для лишения заявителя свободы

(а) Общие принципы

45. Суд повторяет, что статья 5 закрепляет фундаментальное право человека, а именно право на защиту лица от произвольного вмешательства со стороны государства в его право на свободу. Подпункты (а)-(f) статьи 5 § 1 содержат исчерпывающий перечень допустимых оснований, по которым лицо может быть лишено свободы, и никакое лишение свободы не будет совместимым со статьей 5 § 1, если оно не подпадает под одно из этих оснований (см., в частности, *Austin and Others v. the United Kingdom* [GC], nos. 39692/09, 40713/09 and 41008/09, § 60, 15 March 2012).

46. Суд отмечает, что обвиняемый считается «осужденным компетентным судом» по смыслу статьи 5 § 1 (а) после вынесения приговора судом первой инстанции, даже если это решение еще не вступило в законную силу и возможна подача апелляции. Суд постановил в этой связи, что фраза «после осуждения» не может ограничиваться только случаями окончательного осуждения, поскольку это бы исключило арест во время слушаний осужденных, которые явились в суд, находясь на свободе, при наличии доступных им средств правовой защиты (см. *Wemhoff v. Germany*, 27 June 1968, p. 23, § 9, Series A no. 7). Кроме того, лицо, осужденное судом первой инстанции и находящееся под стражей в ожидании апелляции, не может считаться задержанным с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения, согласно статье 5 § 1 (с) (см., в частности, *Solmaz v. Turkey*, no. 27561/02, § 25, 16 January 2007).

47. В своем прецедентном праве Суд неоднократно заявлял, что он учитывает существенные различия в законодательстве Договаривающихся государств по вопросу о том, включается ли в срок тюремного заключения, установленный судом первой инстанции в качестве наказания за правонарушение, период лишения свободы до рассмотрения апелляции. Тем не менее, Суд повторяет, что фундаментальные гарантии статьи 5 Конвенции не зависят от национального законодательства (см. *B. v. Austria*, 28 March 1990, § 39, Series A no. 175, и *Solmaz*, упомянутое выше, § 26). Таким образом, даже если внутреннее законодательство государства-члена предусматривает, что приговор становится окончательным только после завершения рассмотрения всех апелляций, досудебное содержание под стражей заканчивается, для целей Конвенции, в момент установления вины и вынесения приговора судом первой инстанции (см. *Solmaz*, упомянутое выше, § 26).

48. Например, в деле *Grubic v. Croatia* заявитель, который был осужден и приговорен к тридцати годам тюремного заключения судом первой инстанции, жаловался на незаконность своего содержания под стражей в течение нескольких месяцев после вынесения приговора судом первой инстанции. В соответствии с национальным законодательством, его лишение

свободы в течение этого периода по-прежнему рассматривалось как «досудебное содержание под стражей». Суд рассмотрел упомянутую жалобу с точки зрения статьи 5 § 1 (а) Конвенции, и не нашел никаких признаков произвола (no. 5384/11, §§ 30-45, 30 October 2012).

49. Суд также постановил в своем прецедентном праве, что, с учетом французского текста (*condamnation*), слово «осуждение» для целей статьи 5 § 1 (а), следует понимать как установление вины после признания, в соответствии с законом, что преступление было совершено, а также как назначение наказания или другой меры, связанной с лишением свободы (см. *Guzzardi v. Italy*, 6 November 1980, § 100, Series A no. 39; *Van Droogenbroeck v. Belgium*, 24 June 1982, § 35, Series A no. 50; а также недавнее дело *Del Rio Prada v. Spain* [GC], no. 42750/09, § 123, ECHR 2013).

50. Кроме того, слово «после» в подпункте (а) статьи 5 § 1 не просто означает, что содержание под стражей должно следовать за «осуждением» в смысле времени: «лишение свободы», кроме того, должно быть результатом, «следовать и зависеть от» или осуществляться «в силу осуждения». Короче говоря, между осуждением и лишением свободы должна существовать достаточная причинно-следственная связь (см. *Murray v. the Netherlands*, no. 10511/10, § 77, 10 December 2013, с дальнейшими ссылками).

51. Таким образом, Суд ранее признавал, что различные формы превентивного содержания под стражей помимо установленного судом лишения свободы, представляют собой содержание под стражей «после осуждения компетентным судом» (см., например, *Van Droogenbroeck*, cited above, §§ 33-42; *M. v. Germany*, no. 19359/04, § 96, ECHR 2009; и *James, Wells and Lee v. the United Kingdom*, nos. 25119/09, 57715/09 and 57877/09, §§ 197-199, 18 September 2012). В этих условиях соответствующее содержание под стражей не было частью наказания, но скорее было связано с «другой мерой, связанной с лишением свободы», как указано в параграфе 49 выше.

(в) Применение этих принципов в настоящем деле

52. Суд отмечает, что содержание заявителя под стражей в течение этого периода имело место после оглашения приговора по его уголовному делу, но по-прежнему считалось «досудебным содержанием под стражей» в соответствии с национальным законодательством.

53. Независимо от классификации на национальном уровне, Суд отмечает, что этот период содержания заявителя под стражей более не подпадал под действие статьи 5 § 1 (с) (см., в частности, параграф 46 выше). Суду еще предстоит выяснить, было ли это оправдано в соответствии с подпунктом (а) статьи 5 § 1 Конвенции, поскольку ни один из оставшихся подпунктов этого положения, в принципе, не применим к данной ситуации.

54. Суд отмечает, что решение от 12 июля 2010 предусматривало две отдельные меры, связанных с лишением заявителя свободы: во-первых, тюремное заключение, и, во-вторых, содержание под стражей в качестве меры пресечения до вступления приговора в силу. В то время как срок заключения по приговору должен был истечь через три дня, продолжительность срока, связанного со второй из упомянутых мер, могла быть на двенадцать дней больше, учитывая пятнадцатидневный срок для подачи апелляции. В случае подачи апелляции, продолжительность

содержания заявителя под стражей была бы еще больше, и зависела бы от рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции.

55. Соответственно, Суд считает, что обжалуемое содержание заявителя под стражей, даже при том, что оно было после вынесения ему приговора к тюремному заключению и отбытия этого срока в полном объеме, может рассматриваться как «другие меры, связанные с лишением свободы», которые имели место после «осуждения» по смыслу статьи 5 § 1 (а).

56. В целом, Суд приходит к выводу, что этот период содержания заявителя под стражей подпадает под исключение, изложенное в статье 5 § 1 (а) Конвенции. Однако Суду еще предстоит выяснить, не было ли нарушено это положение.

(ii) *Законность содержания заявителя под стражей в период с 15 по 27 июля 2010 года*

(a) *Общие принципы*

57. Суд повторяет, что любое лишение свободы должно не только подпадать под действие одного из исключений, предусмотренных в статье 5 § 1 подпунктах (а)-(f), но и быть «законным». Когда дело касается «законности» содержания под стражей, в том числе вопроса, была ли соблюдена «процедура, установленная законом», Конвенция обращается к национальному законодательству и устанавливает обязательство соблюдать его материальные и процессуальные нормы (см., в частности, *Erkalo v. the Netherlands*, 2 September 1998, § 52, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VI; и *Baranowski v. Poland*, no. 28358/95, § 50, ECHR 2000-III).

58. При решении вопроса, является ли лишение свободы законным, Суд должен также установить, соответствует ли само национальное законодательство Конвенции, в том числе общим принципам, выраженным или подразумеваемым в ней. «Качество закона» подразумевает, что, если национальное законодательство допускает лишение свободы, оно должно быть достаточно доступным, точным и предсказуемым в своем применении, чтобы избежать риска произвола. Стандарт «законности», установленный Конвенцией, требует, чтобы законодательство было достаточно точным, чтобы позволить лицу – если необходимо, после соответствующей консультации – предвидеть, в степени, которая является разумной в данных обстоятельствах, последствия, которые может повлечь за собой данное действие. Когда дело касается лишения свободы, очень важно, чтобы национальное законодательство четко определяло условия лишения свободы (см. *Del Rio Prada*, упомянутое выше, § 125, с дальнейшими ссылками).

59. Кроме того, никакое произвольное лишение свободы не может быть совместимым со статьей 5 § 1; понятие «произвол» в данном контексте выходит за пределы соответствия национальному законодательству. Следовательно, лишение свободы, которое является законным в соответствии с национальным законодательством, все еще может быть произвольным и, таким образом, противоречить Конвенции (см. *Mooren v. Germany* [GC], no. 11364/03, § 77, 9 July 2009).

60. Ранее Суд не сформулировал общее определение, какие действия властей могут представлять собой «произвол» для целей статьи 5 § 1. Тем не менее, ключевые принципы, которые были разработаны в конкретных делах,

показывают, что понятие произвола в контексте статьи 5 в определенной степени варьируется в зависимости от типа рассматриваемого лишения свободы (см. *Saadi v. the United Kingdom* [GC], no. 13229/03, § 68, ECHR 2008, и *Pleso v. Hungary*, no. 41242/08, § 57, 2 October 2012). Один из общих принципов, установленных в прецедентном праве Суда, гласит, что содержание под стражей будет «произвольным», если, несмотря на соблюдение буквы национального законодательства, имел место элемент недобросовестности или обмана со стороны властей, или если национальные власти не пытались применить соответствующий закон должным образом (см. *Mooren*, упомянутое выше, § 78).

61. Кроме того, требование, чтобы содержание под стражей не было произвольным, подразумевает соблюдение пропорциональности между основаниями для лишения свободы и рассматриваемым лишением свободы (см. *James, Wells and Lee*, упомянутое выше, § 195). Масштабы проверки на пропорциональность, которая должна проводиться в конкретном деле, также варьируются в зависимости от типа рассматриваемого лишения свободы. В контексте лишения свободы в соответствии со статьей 5 § 1 (а), Суд, как правило, признавал, что принятие решения о назначении наказания в виде лишения свободы и продолжительность этого лишения свободы находится в компетенции национальных властей, а не этого Суда (см. *T. v. the United Kingdom* [GC], no. 24724/94, § 103, ECHR 2000-I; а *Saadi*, упомянутое выше, § 71). В то же время, при оценке, присутствовали ли признаки произвола в предварительном заключении заявителей, не являющемся частью тюремного заключения согласно приговору, но все еще подпадающего под действие статьи 5 § 1 (а), Суд считал необходимым определить цель этого содержания под стражей в соответствии со статьей 5 § 1 (а) и проводил проверку на пропорциональность (см. *James, Wells and Lee*, упомянутое выше, § 205).

(в) Применение этих принципов в настоящем деле

62. Суд не видит никаких признаков того, что решение суда Белой Церкви о содержании заявителя под стражей до вступления приговора в силу противоречило национальному законодательству. Кроме того, соответствующие правовые положения представляются ясными и предсказуемыми. Так, в Уголовном кодексе Украины явно указано, что вынесший приговор суд принимает решение о мере пресечения, которая должна применяться к осужденному до вступления приговора в силу (см. параграф 18 выше). Национальное законодательство также предусматривает, что продолжительность применения соответствующей меры пресечения не зависит от продолжительности срока лишения свободы, к которому приговорен осужденный, и, следовательно, может превышать этот срок.

63. Суд все еще должен убедиться, что оспариваемое лишение свободы, несмотря на его соответствие национальному законодательству, не было произвольным и противоречащим Конвенции.

64. Суд не усматривает какой-либо недобросовестности в решении суда Белой Церкви о продолжении содержания заявителя под стражей в качестве меры пресечения. В то же время, Суд отмечает, что решение не содержит обоснования применения этой меры пресечения, помимо общего заявления о применении указанной меры в постановляющей части. Остается

необъяснимым, что заставило вынесший приговор суд принять решение о меры пресечения в виде содержания заявителя под стражей, которое явно превышало продолжительность срока лишения свободы, к которому был приговорен заявитель.

65. Суд признает, что могут иметься особые соображения, оправдывающие, независимо от продолжительности приговора о тюремном заключении, лишение осужденного свободы в качестве меры пресечения, направленной на обеспечение его доступности для судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции, если была подана апелляция на решение суда первой инстанции. Однако такие соображения не были упомянуты в решении суда Белой Церкви от 12 июля 2010 года и не следуют из него. Напротив, суд отметил сотрудничество заявителя со следственными органами и решил, по этой причине, назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено законом (см. параграф 6 выше). Соответственно, содержание заявителя под стражей в течение периода, превышающего срок тюремного заключения, не было оправданным. В этой связи Суд отмечает, что Правительство также признало это в своих замечаниях (см. параграф 26 выше).

66. На основании приведенных выше соображений, Суд приходит к выводу, что содержание заявителя под стражей с 15 по 27 июля 2010 года составило нарушение статьи 5 § 1 Конвенции.

(b) Содержание заявителя под стражей с 27 по 29 июля 2010 года

67. Суд отмечает, что решение суда Белой Церкви от 12 июля 2010 года стало окончательным 27 июля 2010 года. Соответственно, перестали существовать основания для содержания заявителя под стражей в качестве меры пресечения до вступления вышеупомянутого решения в силу. Этот период содержания заявителя под стражей также не был связан с исполнением вынесенного ему приговора о тюремном заключении, поскольку срок тюремного заключения истек еще раньше.

68. Суд повторяет, что некоторые задержки в исполнении решения об освобождении задержанного понятны и часто неизбежны ввиду практических соображений, связанных с работой судов и соблюдением определенных формальностей. Тем не менее, национальные власти должны прилагать все усилия, чтобы свести такие задержки к минимуму (см. *Quinn v. France*, 22 March 1995, § 42, Series A no. 311; *Giulia Manzoni v. Italy*, 1 July 1997, § 25 *in fine*, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-IV; *K.-F. v. Germany*, 27 November 1997, § 71, *Reports* 1997-VII; и *Mancini v. Italy*, no. 44955/98, § 24, ECHR 2001-IX). Административные формальности, связанные с освобождением, не могут оправдать задержку более чем на несколько часов (см. *Nikolov v. Bulgaria*, no. 38884/97, § 82, 30 January 2003). Договаривающиеся государства должны организовать свою правовую систему таким образом, чтобы их правоохранительные органы могли выполнить свое обязательство не допускать необоснованного лишения свободы (см., например, *Shukhardin v. Russia*, no. 65734/01, § 93, 28 June 2007; и *Mokallal v. Ukraine*, no. 19246/10, § 44, 10 November 2011).

69. В настоящем деле национальным органам понадобилось два дня, чтобы организовать освобождение заявителя после того, как основания для

его содержания под стражей перестали существовать после вступления в силу решения суда от 12 июля 2010 года. Принимая во внимание важное место, которое занимает право на свободу в демократическом обществе, государство-ответчик должно использовать все доступные современные средства коммуникации, чтобы свести к минимуму задержки в исполнении решения об освобождении заявителя, как того требует соответствующее прецедентное право (см. *Mokallal*, упомянутое выше, § 44). Суд не считает, что украинские власти выполнили это требование в настоящем деле.

70. Следовательно, содержание заявителя под стражей в течение этого периода не было оправдано в соответствии со статьей 5 § 1 Конвенции.

(с) Заключение

71. В свете всего вышесказанного, Суд приходит к выводу, что статья 5 § 1 Конвенции была нарушена в отношении всего обжалуемого периода содержания заявителя под стражей (с 15 по 29 июля 2010 года).

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 § 1 ПРОТОКОЛА № 7

69. Заявитель также жаловался на нарушение статьи 2 Протокола № 7, поскольку он фактически был лишен права обжаловать в апелляционной инстанции решение по его уголовному делу. Это положение, в частности, гласит:

«1. Каждый осужденный за совершение уголовного преступления имеет право на то, чтобы вынесенный в отношении него приговор или определенное ему наказание были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией. Осуществление этого права, включая основания, на которых оно может быть осуществлено, регулируется законом.

2. Из этого права могут делаться исключения в отношении незначительных правонарушений, признанных таковыми законом, или когда соответствующее лицо было судимо уже в первой инстанции верховным судом или признано виновным и осуждено в результате судебного пересмотра его оправдания».

A. Приемлемость

73. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Она также не является неприемлемой по любым другим основаниям. Поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

B. Существо дела

74. Заявитель утверждал, что он был вынужден выбирать между реализацией своего права на обжалование решения по его уголовному делу, с одной стороны, и своей свободой, с другой стороны. Другими словами, он утверждал, что, если бы он решил подать апелляцию, это бы значительно задержало его освобождение.

75. Правительство не прокомментировало этот аргумент заявителя. Они отметили, что, в соответствии с национальным законодательством, он имел право подать апелляцию против решения от 12 июля 2010 года, но предпочел

не делать этого. Соответственно, Правительство считает, что права заявителя в соответствии со статьей 2 Протокола № 7 не были нарушены.

76. Суд отмечает, что Договаривающиеся государства, в принципе, пользуются широкой свободой усмотрения при определении того, как будет осуществляться право, закрепленное в статье 2 Протокола № 7 к Конвенции (см. *Krombach v. France*, no. 29731/96, § 96, ECHR 2001-II).

77. Как следует из прецедентного права Суда, это положение в основном регулирует организационные вопросы, такие как доступность апелляционного суда или масштабы пересмотра в суде апелляционной инстанции (см., например, *Pesti and Frodl v. Austria* (dec.), nos. 27618/95 and 27619/95, 18 January 2000).

78. В отношении доступности, Суд считает приемлемым то, что в некоторых странах обвиняемый, желающий подать апелляцию, иногда должен получить разрешение, чтобы сделать это. Тем не менее, в прецедентном праве существует устоявшийся принцип, что любые ограничения, содержащиеся в национальном законодательстве в отношении права на судебный пересмотр, упомянутого в этом положении, должны, по аналогии с правом на доступ к суду, предусмотренным в статье 6 § 1 Конвенции, преследовать законную цель и не нарушать саму суть этого права (см. *Krombach*, упомянутое выше, § 96; *Gurepka v. Ukraine*, no. 61406/00, § 59, 6 September 2005; и *Galstyan v. Armenia*, no. 26986/03, § 125, 15 November 2007).

79. Суд повторяет, что Конвенция призвана гарантировать не теоретические или иллюзорные права, но права практические и эффективные. Это особенно касается права на доступ к суду, в связи с огромным значением права на справедливое судебное разбирательство в демократическом обществе (см. *Airey v. Ireland*, 9 October 1979, § 24, Series A no. 32, и *Garcia Manibardo v. Spain*, no. 38695/97, § 43, ECHR 2000-II). Принимая во внимание вышеупомянутый принцип, Суд также постановил в своем прецедентном праве, что препятствование в осуществлении этого права может противоречить положениям Конвенции (см. *Golder v. the United Kingdom*, 21 February 1975, § 26, Series A no. 18, и более недавнее дело *Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Campeanu v. Romania* [GC], no. 47848/08, § 113, ECHR 2014).

80. Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что украинское законодательство явно предусматривает процедуру обжалования приговора в уголовном судопроизводстве. Следует рассмотреть вопрос, столкнулся ли заявитель с препятствиями в реализации своего права на подачу апелляции, и если да, могут ли эти препятствия рассматриваться как нарушение самой сути его права, предусмотренного в статье 2 Протокола № 7.

81. Суд отмечает, что национальные суды сочли необходимым оставить заявителя под стражей в качестве меры пресечения до вступления в силу решения суда первой инстанции, даже после того, как срок его тюремного заключения согласно приговору уже истек. В отсутствие апелляций, обжалуемый период продолжался двенадцать дней. Если бы заявитель решил подать апелляцию, вступление в силу решения было бы отложено на неопределенное время.

82. Соответственно, Суд соглашается с доводом заявителя о том, что реализация его права на подачу апелляции стоила бы ему свободы, тем более,

что продолжительность его содержания под стражей была бы непредсказуема. Поэтому Суд считает, что это обстоятельство составило нарушение самой сути его права, предусмотренного в статье 2 Протокола № 7.

80. Таким образом, это положение было нарушено.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

84. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд решает, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Компенсация вреда

85. Заявитель потребовал выплатить ему 3 000 евро в качестве компенсации нематериального вреда.

86. Правительство оспорило это требование как необоснованное и чрезмерное.

87. Принимая во внимание все обстоятельства настоящего дела, Суд признает, что заявителю был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован простым признанием нарушения. Производя оценку на справедливой основе, Суд удовлетворяет требование заявителя в полном объеме.

B. Компенсация затрат и расходов

88. Заявитель также потребовал выплатить ему 1 330 евро в качестве компенсации затрат и расходов, понесенных в Суде. Он попросил Суд перевести эту сумму на банковский счет своего представителя.

89. Правительство оспорило это требование как чрезмерное.

90. В соответствии с прецедентным правом Суда, заявитель имеет право на возмещение затрат и расходов только в той мере, в какой было показано, что они действительно были понесены, были обязательными и разумными. В настоящем деле, на основании имеющихся в его распоряжении документов и упомянутых выше критериев, Суд удовлетворяет требования заявителя в полном объеме и присуждает ему 1 330 евро в качестве компенсации затрат и расходов.

C. Пеня

91. Суд считает разумным, что пеня должна быть основана на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка с добавлением трех процентных пунктов.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* остальную жалобу заявителя приемлемой;
2. *Постановляет*, что была нарушена статья 5 § 1 и 3 Конвенции;
3. *Постановляет*, что была нарушена статья 2 Протокола №7;
4. *Постановляет*:
 - (a) государство-ответчик должно выплатить заявителю, в течение трех месяцев с даты, когда это решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, в переводе в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты:
 - (i) 3 000 (три тысячи) евро, с добавлением любых налогов, которые могут быть начислены на эту сумму, в качестве компенсации нематериального вреда;
 - (ii) 1 330 (одна тысяча триста тридцать) евро, с добавлением любых налогов, которые могут быть начислены на эту сумму, в качестве компенсации расходов и издержек, которые должны быть переведены на банковский счет представителя заявителя;
 - (b) с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты, на вышеуказанную сумму начисляется пеня, равная предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в этот период с добавлением трех процентных пунктов.

Составлено на английском языке и провозглашено в письменном виде 4 июня 2015 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Милан Бласко
Заместитель секретаря

Марк Виллинджер
Председатель

В соответствии со статьей 45 § 2 Конвенции и правилом 74 § 2 Регламента Суда, к настоящему решению прилагается особое мнение судьи Б.М. Жупанчича.

M.V.

M.B.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЖУПАНЧИЧА

Данное дело представляет собой настоящую «дилемму заключенного». Из-за своеобразной природы украинского уголовно-процессуального законодательства, заявитель провел все время в «предварительном заключении», хотя фактически это заключение было после судебного рассмотрения и до вынесения приговора. В конце концов, суд включил в срок тюремного заключения весь период «предварительного» содержания под стражей. Соответственно, заявитель должен был быть немедленно освобожден после последующего вынесения приговора.

Таким образом, для заявителя возникла дилемма. Если бы он признал решение и приговор окончательными, он мог бы выйти на свободу. Однако, если бы он предпочел осуществить свое право на обжалование, гарантированное Конвенцией, Конституцией и уголовно-процессуальным законодательством, ему пришлось бы остаться в так называемом «предварительном» заключении.

Другими словами, по иронии системы он был лишен своего права на подачу апелляции в соответствии со статьей 2 § 1 Протокола № 7, или, по крайней мере, столкнулся с серьезными препятствиями в осуществлении этого права:

«Право на обжалование приговоров по уголовным делам

1. Каждый осужденный за совершение уголовного преступления имеет право на то, чтобы вынесенный в отношении него приговор или определенное ему наказание были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией. Осуществление этого права, включая основания, на которых оно может быть осуществлено, регулируется законом».

Я, безусловно, согласен с выводами по этому делу, но предлагаю провести здесь аналогию с известным принципом уголовно-процессуального законодательства о так называемом «запрете *reformatio in peius*». Некоторые правоведы утверждают, что это право носит конституционный характер, а именно, что подсудимый, если он является единственным подателем апелляции, должен иметь уверенность в том, что приговор, вынесенный ему апелляционным судом, не будет жестче, чем приговор, вынесенный судом более низкой инстанции¹.

Тем не менее, в Конвенции или Протоколах к ней такая гарантия не предусмотрена; мы также не считаем, что запрет *reformatio in peius* носит конституционный характер.

С другой стороны, право ответчика на обжалование имеет конституционное значение. По мнению Х.Л.А. Харта, это – *предписывающая* норма, в то время как запрет *reformatio in peius* является *инструментальным* правилом по отношению к предписывающей норме.

С другой стороны, непосредственное *ratio legis* запрета *reformatio in peius* также очень прагматично. Если бы апелляционные суды имели доступ к

¹См., например, Herke and Toth *Theoretical and Practical Issues of the Prohibition of Reformatio in Peius in Hungary*, Issue of Business and Law, Volume 3 (2011), <http://www.herke.hu/tan/11litv.pdf>

определенным категориям дел для того, чтобы упорядочить уголовное прецедентное право, заявители, осужденные судами низшей инстанции, не отказывались бы от подачи апелляций.

Тем не менее, даже с этой прагматичной точки зрения, запрет *reformatio in peius* воспринимается как традиционное право обвиняемых, которые были осуждены неокончательным решением в рамках континентального уголовного судопроизводства; это – законное дополнение к их послесудебному процессуальному положению, независимо от более узкого *ratio legis*, сформулированного выше. Таким образом, такие обвиняемые должны иметь возможность воспользоваться этой гарантией. Обвиняемые в уголовных преступлениях, как с их собственной точки зрения, так и с точки зрения законности, не должны сталкиваться с серьезными препятствиями при обжаловании приговора.

Тем не менее, в рассмотренном нами деле все произошло именно так. Если бы заявитель обжаловал свой приговор, его «предварительное» содержание под стражей было бы продлено на период, который потребовался бы апелляционному суду, чтобы рассмотреть дело. Таким образом, он был лишен права обжаловать решение суда первой инстанции. Соответственно, его право на апелляцию, гарантируемое в соответствии со статьей 2 § 1 Протокола № 7 (см. выше), было нарушено.

Если бы мы абстрактно рассматривали запрет *reformatio in peius* как процессуальное право, дополняющее право на обжалование, препятствия, связанные в данном деле с правом обвиняемого на обжалование, могли бы рассматриваться как нарушение *ratio legis*. По этой причине, его дело так и не дошло до апелляционного суда. Однако, несомненно, если бы апелляционный суд имел возможность рассмотреть дело заявителя, это было бы и в его интересах, и в интересах законности.

Тем не менее, Конвенция еще не признает прямо запрет *reformatio in peius* как право подсудимого. Кроме того, прецедентного права Европейского суда по правам человека по этому вопросу не существует. Идея не препятствовать заявителям не применяется даже в рамках страсбургской системы. В пункте 11 своего особого мнения в решении по делу *Janowiec and Others v. Russia* ([GC], nos. 55508/07 and 29520/09, ECHR 2013), судья Войтычек указал: «Следует отметить, что данное дело было передано на рассмотрение Большой Палаты по просьбе заявителей. Хотя Конвенция не устанавливает запрет на *reformatio in peius*, ситуация является парадоксальной, так как средство правовой защиты, предусмотренное статьей 43 Конвенции и использованное заявителями для защиты прав человека, в конечном счете привело к принятию решения Большой Палаты, которое оказалось гораздо менее благоприятным для них, чем решение Палаты».